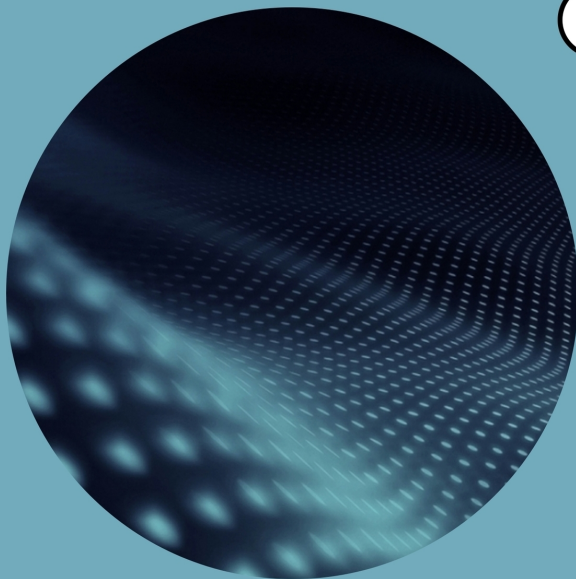

Исаак Розовский

16+

Дожить до 120

Исаак Розовский

Дожить до 120

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56075889

SelfPub; 2020

Аннотация

Гениальному математику удастся установить, что в Библии закодированы даты рождения всех людей на земле, но даты смерти не указаны. Оказывается, что еврейское пожелание долголетия «До 120» имеет совсем другой и довольно зловещий смысл. Можно ли с помощью этого нового знания продлить собственный век? А построить на нем чудовищный, но прибыльный бизнес? Существует ли Воздаяние? И самое главное – можно ли обнаружить присутствие Бога в нашем мире? Ответы на эти и многие другие вопросы читатель узнает в самом конце захватывающего повествования.

«Мое дыхание в человеке – не навсегда. Он всего лишь плоть, и пусть срок его жизни будет сто двадцать лет»
Бытие, 6:3

Я был непосредственным участником тех странных и мрачных событий, о которых все еще продолжают ходить самые фантастические слухи. Впрочем, они не имеют никакой связи с реальностью, поскольку информация о происшедшем была строжайшим образом засекречена. Неизбежные «утечки», которые, собственно, и послужили источником и основанием для шумихи в газетах, в интернете и на ТВ, по большей части плод фантазии, а крупницы правды слишком мизерны и недостаточны, чтобы составить подлинную картину. Обнародуя эти записки, я нарушаю взятый на себя обет молчания, ибо история эта имеет исключительную важность для всего человечества. И рассказать о ней – мой прямой долг. Сознание того, что кто-нибудь из читателей сочтет вышесказанное всего лишь банальным литературным приемом, а саму историю – плодом больного воображения, нисколько не огорчает меня. Куда важнее, что мир узнает еще об одном, но уже неопровержимом доказательстве существования Бога, доказательстве, которого в течение многих веков тщетно взыскует утратившее ориентиры человечество.

Для начала позвольте представиться – Константин Кравцов или просто Костя. Вам мое имя, конечно, ничего не го-

ворит. Зато я работал с Ильей Львовичем Хаскиным. А его теперь знают все. Да, это тот самый знаменитый Хаскин, который, как писали в газетах, сумел подобрать ключик к тайнам Творца. Но о самом этом ключике (отнюдь не золотом) широкой публике ничего не известно. И вот настала пора рассказать об этом хотя бы кое-что.

Тут самое время объясниться. Я совсем не писатель, и свои записки начал совершенно случайно. Записать эту историю меня надоумил, а, вернее, уговорил мой приятель Паша. Собственно, тогда и самой истории еще не было, а была лишь неподтвержденная гипотеза, которую Хаскин мне изложил. А я в общих чертах пересказал ее Паше.

Паша страстный любитель детективов, мистики и прочей фантастики, и большой специалист по современной литературе. Так вот он сказал, что если я запишу эту историю, то успех обеспечен. Такую книгу с руками оторвут, даже если никто в реальность этой теории не поверит. Вот он, Паша, например, не верит, но звучит захватывающе. А, значит, тут тебе и гонорары от издательств, и почти неизбежный договор с Голливудом на право экранизации («Тут главное не प्रदेशить!» – предупреждал Паша).

Я вначале только смеялся и объяснял ему, что все мои самостоятельные тексты за всю жизнь можно свободно уместить в тонкой школьной тетрадке, в которой они и хранятся моей мамой. Поскольку это мои письма к ней, написанные в разные периоды моей жизни. Литературной ценности они

не представляют, ибо сводятся к констатации, что «у меня все в порядке» и просьбам «привезти клубнички» (пионерский лагерь), «шахматы» (санаторий для детей, больных полиомиелитом) или «немного денег» (многочисленные, но краткие периоды самостоятельной жизни).

Но Паше эта гипотеза Хаскина показалась настолько сногсшибательной, что он загорелся ею и стал меня убеждать.

– Ты только начни. Изложи самую суть. Даже, если дальше из этой затеи ничего не выйдет, не беда! Материала с головой хватит для сценария.

Паша – человек незаурядный во многих отношениях. Но в первую очередь он незаурядный лентяй. Я познакомился и сблизился с ним на почве шахмат. В выпускном классе (мы одноклассники, хотя учились в разных школах) целыми днями гоняли блиц. Причем он давал мне пять минут, а себе – только одну, но при такой форе выигрывал у меня семь партий из десяти. Английский он знает, как родной. Книг прочитал раз в сто больше моего. Иногда кажется, что он вообще читал все книжки на свете. Я сам любитель почитать, но куда мне до него. Паша и соображает необыкновенно быстро, и воображение у него невероятное – на ходу придумывает истории, которые, кажется, сядь и запиши – публика на части будет рвать.

– Вот сам и напиши бестселлер для Голливуда, – говорил я ему.

– Да ну его, – только улыбался Паша. – Скушно, брат, са-

мому-то писать. Нет уж, лучше я твой почитаю.

Говорю же, лентяй, каких поискать. Когда все вокруг мечтали поступить в институт попрестижней, он выбрал самый задрипанный, где вечно был недобор, и принимали любого с улицы. С грехом пополам он его закончил, но по специальности работать не стал. Он, вообще, в свои двадцать пять никогда и нигде не работал. Да и зачем, если у него папаша бизнесмен? Причем успешный. И к тому же щедрый. По крайней мере, сыну ни в чем отказа нет. Так что при всех своих блестящих талантах, Паша не делает ровным счетом ничего. Прожигает жизнь. Он к тому же хорош собой, поэтому девиц меняет как перчатки. Для меня, у которого по этой части проблемы, его дон-жуанство всегда вызывало зависть. Но, вообще-то, я его люблю. Пожалуй, он самый близкий (если не единственный) мой друг.

Так вот этот раздолбай даже пообещал меня консультировать и, вообще, работать моим редактором, если я только начну писать. Это предложение меня настолько удивило, что я согласился попробовать. Я показывал Паше ту хрень, что выходила «из-под моего пера». Он только смеялся и всерьез правил мой убогий текст. После этих правок все выглядело несравненно лучше.

Кроме того, он, как эксперт по литературе, дал несколько очень дельных советов. Книга должна быть толщиной не больше 150 страниц, ибо у современного человека нет времени на чтение многостраничных талмудов. Описание при-

роды и всяких чувств необходимо свести к минимуму, а лучше убрать полностью. Темп и занимательность – вот главный секрет успеха. Язык должен быть простой. Фраза – рубленой. Существительное, глагол, изредка – прилагательное. Никаких тебе придаточных предложений (тут я, кажется, уже дал маху). Правдоподобие не обязательно и даже нежелательно. Достоверность обстановки, характеров и прочая – все фигня! Главное, чтоб читатель благодаря тебе забыл о своей убогой жизни. Да, и еще про детали не забывай. Публика их любит. Так что, если можешь, верни этак ненароком что-нибудь про горлышко бутылки под луной. А если не можешь – пропусти. Вот, собственно, и все. Плохо, конечно, что главный герой у тебя еврей, да еще такой. Это оттолкнет добрую половину читающей публики. А, может быть, наоборот – начнут ее читать и штудировать, как «Протоколы сионских мудрецов».

– Да, и помни про монтаж, – сказал Паша.

– Монтаж? Это как в кино? – переспросил я.

– Ага, как в кино. Его смысл состоит в перескакивании с пятого на десятое, чтобы запутать зрителя или, в твоём случае, читателя. Избегай плавного и последовательного повествования. Оно на читателя навеивает сон. А если будешь перескакивать, он, может, и не поймет ничего, но хотя бы скучать не будет.

– Я не смогу.

– А ты не дрейфь, – подбодрил меня Паша. – Да, еще одна

незадача – как быть с сексом? Современная литература требует секса. Всякие там стоны, распалюющие воображение извращения и все такое. А какой из Ильи Львовича секс-символ? Да и с тебя, убогого, вряд ли что возьмешь.

Потом Паша вдруг встрепенулся: – Но главное во всем этом деле – успешный автор должен быть графоманом!..

– Почему графоманом? – не понял я.

– Графоманом – не в смысле, что писать надо плохо! – успокоил меня Паша. – А в смысле производительности труда. Графоман, это тот, кому написать 20 страниц в день, ну, пусть 10, не в труд, а в радость. Сегодня все эти муки творчества, ожидания вдохновения, грызня ногтей и прочие штучки, уже не катят. Какой смысл, если ты свои 150 страниц будешь 5 лет писать? Или даже год? Современный писатель должен стать, как... ну, как лазерный принтер с хорошим запасом бумаги. Строчи! Две недели – книга. Вот тогда ты Мастер, Мэтр. А если будешь выдавать продукцию в день по чайной ложке («Ни дня без строчки», вишь ты! Ну и где теперь Олеша этот?), то публика-дура через месяц тебя забудет. Ты, в общем пиши и мне показывай...

Итак, я писал, а Паша правил, монтажировал, переставлял местами. И постепенно стал вырисовываться текст, который, надеюсь, можно читать.

...Волна загадочных убийств захлестнула Москву 202... года. Даже не волна, а целое цунами! Собственно, не только

в Москве происходили эти убийства. Случались они и в области, и в глубинке, и за рубежом. Но это все были единичные случаи. А основная масса убийств происходила именно в столице. Почему? Что случилось? Никто не мог сказать ничего путного. Сколько-нибудь правдоподобных версий не было. По совести сказать, версий вообще не было. Да и загадочного в этой лавине убийств было разве что их количество и полное отсутствие мотивов. А сами убийства были как раз скучными и одинаковыми, словно сходили с конвейера. Мертвые тела обнаруживали исправно и быстро. Собственно, их никто и не пытался прятать. Так и лежали с двумя дырками в теле. В области сердца и в голову. Почти всегда использовался пистолет с глушителем, но опять же никакой системы ни в выборе оружия, ни в выборе жертв. Мужчины, женщины – все вперемешку. Социальный состав «потерпевших» самый пестрый. Кое-кто вполне зажиточный. Но бывали и бомжи. А больше – самые обыкновенные, ничем не примечательные люди, обычные работяги, офисный планктон, мелкие чиновники, ни с криминалом, ни с бизнесом не связанные. Между тем, было очевидно, что убивали их целенаправленно.

Этот звонок, да еще перед самым наступлением шабата, был совсем некстати. Рав Зеев, который без особого успеха пытался сосредоточить свои мысли на вечном, как и положено в этот день отдыха Господня, недовольно поморщился

и поднял трубку.

«Шалом!— раздался мужской голос с сильным русским акцентом. – Володька, ты?!»

– Ба! Товарищ генерал? – радостно воскликнул рав Зеев, а в прошлой жизни Владимир Круглянский. Он всегда так обращался к своему старинному приятелю. «Товарищ» оставалось неизменным на протяжении тридцати уже лет, а вторая часть менялась по мере того, как Пронин рос в чинах. Сначала лейтенант, потом майор, а нынче уже генерал.

– Он самый...

– Ты из Москвы звонишь?

– Да нет, отсюда.

– Какими судьбами? Дела или оттянуться?

– Дела, брат. Поэтому тебе и звоню. Вдруг тебя осенит, как прежде бывало.

– Это вряд ли, а ты к нам надолго?

– Вчера прилетел, а послезавтра улетаю.

– Жаль. Через полчаса шабат начинается, так что я к тебе приехать не могу. Разве что завтра вечером.

– Да какие церемонии, рабби. Я сам к тебе приеду. Ты все там же живешь?

– Да. Если сам, тогда начинаю готовиться и ждать, – улыбнулся Зеев.

– Часа через два приеду.

– ОК. Как раз к субботнему ужину успеешь. Только учти, что такси в шабат по двойному тарифу.

– Ничего. Мое ведомство за ценой не постоит.

Владимир Ефимович Круглянский всегда славился среди друзей не только интеллектом, но и феноменальным чутьем, позволявшим ему из совершенно противоречивой и разрозненной информации выхватить именно то существенное, что имело отношение к поставленной задаче. Дай ему клубок ниток, из которых только одна вде́та в иголку, и он безошибочно выберет именно ее, а все остальное отбросит сразу, как не относящиеся к делу. Как у него это получалось – тайна великая есть.

– Тебе бы в угрозыске работать! – шутили его друзья. Но работал он старшим научным сотрудником в одном из московских НИИ. В разгадывании всяческих задачек и головоломок, публиковавшихся под рубрикой «Психологический практикум» был он непревзойденным мастером. Любо-дорого было наблюдать, как он распутывал какую-нибудь идиотскую шараду, над которой полдня безуспешно билась вся лаборатория, совершенно забыв о запросах народного хозяйства. И не только интеллектуальные задачки щелкались им, как орешки. Когда вся лаборатория обсуждала какой-нибудь очередной многосерийный детектив, теряясь в догадках, кто же из персонажей окажется преступником в конце последней серии, Владимир Ефимович с улыбкой называл им имя главного злодея, и не ошибался.

Никто из сотрудников лаборатории не сомневался, что их

полушеф (он был заместителем завлаба) представляет собой некий феномен, сочетающий в себе свойства Эркюля Пуаро, Ниро Вульфа, Шерлока Холмса, патера Брауна и мисс Марпл в одном лице.

А в угрозыске работал один из его друзей детства. Был он тогда в звании майора. А звали его (вы будете смеяться) Пронин. Да, однофамилец, а, может, и потомок того самого майора Пронина, героя детективов середины прошлого века и персонажа многочисленных анекдотов. Так вот этот Пронин любил иногда подкидывать Владимиру Ефимовичу разные курьезные случаи из своей богатой практики. Подкидывал и с восхищением наблюдал, как тот, получив надлежащую информацию, ненадолго задумывался, задавал несколько уточняющих вопросов, а когда все почти было выпито (понятно ведь, что без бутылки тут не разберешься), неожиданно выдавал долгожданный ответ. Когда Пронин был повышен в чинах, он несколько раз почти всерьез предлагал Владимиру Ефимовичу поменять место работы и перейти к нему «под крыло» с разными интересными перспективами. В ответ на каковые предложения Владимир Ефимович неизменно отлеплялся шуткой – мол, мы все у вас рано или поздно очутимся, но этот дивный миг я торопить не стану. Впрочем, на их отношения эти отказы несколько не влияли.

Не повлиял на их дружбу и внезапный отъезд Владимира Ефимовича в Израиль, хотя Пронину и намекали, что водить дружбу с эмигрантами – это не дело, и может сказаться на его

карьеру. Но Пронин намекам не внял, дружбу продолжил, да и на карьере его это не отразилось. Конечно, теперь они виделись редко. Раза три Пронин приезжал в Израиль, а Владимир Ефимович наезжал в Москву и того чаще. И всегда в обязательном порядке навещал своего «правоохранительного друга».

Ровно через два часа генерал прибыл из Тель-Авива в Иерусалим, где ныне жил рав Зеев. Зеевами (то есть, волками) тут звали всех репатриантов, ранее носивших гордое имя Владимир. Пронин попросил таксиста остановиться в полукилометре от дома своего приятеля, где начинался религиозный квартал. В субботу (в шабат, то есть) появляться там на машине было опасно – за это можно и камнем по голове схлопотать.

Генерал шел не торопясь и с любопытством разглядывал толпу. В основном, мужчин, одетых в черные лапсердаки, из-под которых торчала белая бахрама – цициты. На голове у каждого была надета широкополая черная же шляпа. У всех в руках молитвенники. Из синагоги возвращаются. Спешат на субботний ужин. Память у генерала была фотографическая, а потому он, хотя и не был здесь лет шесть, с легкостью нашел нужные дом и квартиру. На двери было написано по-русски «Стучать». Это явно для него, и с намеком, что в субботу звонить в дверь нельзя, ибо нажатие кнопки – тоже какая-никакая, а работа.

Дверь распахнулась, и на пороге стояла Светка. Нынче

она, конечно, не Светлана, а Ора (ор – это свет на иврите), как тут принято. Юбка до пят, а на голове косынка, полностью скрывающая волосы.

– Ох, Валечка! – заулыбалась она и в нарушение всех правил бросилась его обнимать и целовать (ведь замужнюю женщину не то, что целовать, а ей и руку подать запрещено). – Как же я рада тебя видеть!

– А где благоверный?

– Еще из синагоги не вернулся. Щас прибежит... – сказала Света (или все-таки Ора?).

Владимир Ефимович в Израиле тоже работал по специальности – математиком. А вот что этот сугубо светский человек ударится в иудейскую религию, стало для генерала ба-альшо-ой неожиданностью. Но он и к этому привык и лишь шутил: «Чем бы еврей не тешился, лишь бы не олигархничал». Генерал недолюбливал олигархов. Кстати, внезапная религиозность раби Зеева была как-то связана с его работой.

Наконец, благоверный явился и тоже кинулся обнимать гостя. Потом генерала усадили за стол, покрытый белой шелковой скатертью, на котором торжественно горели свечи. Вся семья чинно расселась вокруг. Средняя дочка, только что отслужившая в израильской армии, красавица, тоже в длинной до пят синей юбке и белоснежной блузке, младшенький, поздний ребенок, «отрада старости», мальчик лет восьми с длинными и кудрявыми золотистыми локонами (надо же, блондин, а родители-то чернявые – подумал гене-

рал). Только старшей дочери не было – у нее уже своя семья. Хозяин дома разломил халу, налил в бокалы вина и начал творить молитву на своем тарабарском наречии. Семейство, да и сам генерал, внимательно следивший, чтобы не пропустить, повторяли в конце каждого периода «Амен».

Выпили вина. Потом Валентин Петрович достал бутылку коньяка.

– Кошерный? – подозрительно глядя на бутылку, спросил хозяин.

– Да кошерный, кошерный, успокойся, рабби, – сказал генерал. – Специально в Москве в еврейском магазине покупал.

– Знаем мы эти ваши еврейские магазины, – сказал хозяин, рассматривая этикетку, но потом, видимо, удостоверился и коньяк разлил.

– Мда, хорош коньячок, – Пронин стал причмокивать губами, как заправский сомелье.

Круглянский улыбнулся. Он знал, что ни в коньяках, ни в винах генерал не разбирается, а все приемчики усвоил из смешной английской книжки, которая называлась «Как прослыть знатоком, ничего не понимая в винах» или что-то в этом роде.

– Рассказывай, с чем пришел.

– Эта история не для праздничного стола. Давай уж после ужина, с глазу на глаз, – сказал генерал.

Наконец, оттрапезничали, и рабби Зеев увлек гостя в свой

кабинет, не забыв прихватить коньяк и блюдце с лимоном.

Там еще приняли по рюмке.

– Да чего там... – выдохнул Пронин, морщась от лимона. – Есть одно дельце. Правда, безнадежное. Из архива достали и на меня повесили – дескать, в порядке надзора. Собственно, не дело даже, а дела. Каждое в своем – отдельном производстве. А всего их, всячков этих, более двухсот.

– Сколько-сколько? – не поверил и удивился рабби Круглянский. – У вас же количество преступлений по официальным сводкам каждый год снижается. Или все эти сводки – липа?

– Да в том-то и дело, что не липа. И вправду снижалось. И вдруг такое...

Генерал рассказал другу про ничем не мотивированные убийства, которые вполне можно назвать массовыми.

– Хоть убей, не пойму, кому они могли понадобиться?! – вскричал он, ударив себя рукой по колену. – Зачем? И почему именно эти? Зачем понадобилось иногда в глушь тащить-ся? Словом, если бы мы могли обнаружить у этих убитых что-нибудь общее, сходство какое-нибудь. Но нет, ничего. В Москве вообще никаких следов, но в глубинке – а там ведь все на виду – свидетели показывали, что за день – за два до убийства объявлялись какие-то нездешние, на машине всегда. Ну, и крутились вокруг. А после убийства их больше никто не видел.

– Машина хоть одна и та же?

– Да нет, и машины разные – то «Волга», то «Мерседес», а то и просто «машина». Чего ты хочешь, глушь! Марок не различают. Но всегда, как они говорят, «хорошая машина, новая почти...»

Возраст жертв тоже самый разный. В первый год, когда убийства начались, от двадцати лет до пятидесяти. Стариков среди убитых не было. И детей тоже. Но это только в первый год. А во второй мало того, что число таких безмотивных убийств выросло втрое, но, самое страшное, что среди них и дети появились. А в минувшем году вообще ужас. Детей среди убитых оказалось чуть ли не половина. Дети, подростки. А пять раз убивали совсем младенцев, несколько месяцев всего. Однажды убили вместе с младенцем мать, и еще раз – деда, который с колясочкой во дворе у дома сидел. Причем было ясно, что не взрослые, а именно дети были целью преступника или преступников. А мать и дед попали «под раздачу», пытаюсь их спасти.

– Просто царь Ирод какой-то, – заметил Круглянский. – Тоже ведь всех младенцев велел убить.

Такая лавина убийств не могла остаться незамеченной. Поползли слухи самого фантастического свойства. Разумеется, и пресса не осталась в стороне. Население было близко к панике. А уж когда жертвами оказались дети, всё это утысячилось. Начальство устраивало разносы, а потом и головы полетели.

– Вот и моя скоро полетит, – с грустью сказал генерал. –

Может, и к лучшему? Уйду на пенсию, козла во дворе стану забивать. Или к вам махну, в Израиль. На грязи. Говорят, на Мертвом море грязи какие-то чудодейственные. Эхма!..

Выпили еще по одной.

– Но все-таки во всех этих делах есть одна странность, да какая! Небывалая, можно сказать. Она-то и связывает все убийства. Мы, правда, этот факт не афишируем. Деньги и ценности у жертвы убийцы ни разу не тронули, даже если они были. Ни деньги, ни часы, ни бумажники, ни брошки или бусы у женщин. Их не просто не грабили, а скорее наоборот.

– То есть как это – наоборот?

– Вообрази себе, вскоре после убийства, самое большое через неделю, семья жертвы получает солидную сумму денег. Не рублей, заметь, а долларов! Как бы в качестве компенсации. Просто страховая компания – ни больше, ни меньше!

– И впрямь неожиданно! – всерьез удивился Владимир Ефимович. – И какова же сумма?

– Да сумма-то всегда разная. И тут никакой системы нет. Но значительная. Да у меня все записано... – Пронин порылся в кейсе и достал свой ежедневник. – Ну-ка, где это?.. А, тут они, голубчики. В списочке этом. Не желаешь взглянуть?

Владимир Ефимович взял ежедневник и рассеяно взглянул на записи. Пронин между тем развивал тему:

– Иногда убийство происходило в доме потерпевшего. Естественно, когда другие члены семьи отсутствовали. В

этом случае доллары находили прямо на месте преступления. Не стоит и говорить, что из дома ничего не исчезало. Вообще, не было следов каких-нибудь поисков. Словом, как будто почтальон деньги принес. Правда, при этом еще и хозяина убил.

А если на улице убивали, то через несколько дней деньги находили то в почтовом ящике в конверте, а то и прямо в доме – в какой-нибудь банке на столе лежат или на комод.

– И что ж, все родственники вам об этих долларах сразу сообщали? Что-то не верится...

– Некоторые сообщали, а большинство утаило. Уже потом, когда ко мне в порядке надзора все дела попали, я велел снова всех допросить на предмет денег, будто с неба свалившихся. Ну, тогда родственники и признались. Словом, во всех случаях без исключения деньги были. Даже когда у жертв своей семьи не было, выяснилось, что доллары эти, пусть какой-нибудь троюродной сестре, но поступали. Я уж было обрадовался поначалу – вот он и мотив: убитый копил-копил, складывал в кубышку, ну, а родственнички позарились. Но нет, версия, как говорится, отпала. В общем, странно все это.

Пронин задумался. Возникла небольшая пауза, которую сам же генерал и оборвал:

– Я долго бился, искал хоть какую-то зацепку. Результатов – ноль! А я ведь въедливый, ты знаешь. Даже не поленился запрос сделать в Интерпол, не было ли у них чего похожего.

– Ну и как?

– Как? Ты только со стула не упади. За тот же период – 19 очень похожих убийств. В разных концах света – от Австралии до Зулусии какой-нибудь. И все тот же стиль. Пуля в лоб, свидетели видели автомобиль, а потом (или сразу) семья получала деньги. Мужчины, женщины – примерно в равной пропорции. Возраст разный. И там стариков нет. Все, за исключением одной немки, не старше 50-и. Да и немке было только 52 годочка.

Кстати, по словам очевидцев, на автомобиле приезжали явно иностранцы, говорили с сильным акцентом. Некоторые утверждают, что между собой они общались на каком-то славянском языке. Вроде бы не мало, правда? Ну и что? Ни-че-го! Никто не был задержан. Пару раз по описаниям свидетелей составляли фоторобот – бесполезно!

Версия Интерпола: по всему миру действует какая-то банда (возможно, русская), хотя никаких связей ни с нашей, ни с какой другой мафией не прослеживается. Ни один из убитых никогда не был ни в чем замешан. Мотивы убийства неясны. Получение семьями денег после совершения преступления отмечено, но никаким рациональным объяснениям не поддается. Словом, та же пустота, что и у нас. Зацепиться абсолютно не за что. А, главное, никакого мотива. Дело безнадежное. А я ведь нутром чую, что за этим скрывается тайна. Ты-то что думаешь?

– Боюсь, сказать мне особо нечего, – развел руками Круг-

лянский. – Вот разве что в суммах «компенсации», как ты изволил выразиться, определенный принцип прослеживается. Если следовать твоему списочку, то... Вот, например, Грибов Александр Юрьевич, 1993 г.р. Убит в 2022 году. То есть, ему было 29 лет. Семья получила 31 тысячу долларов. Зубкова Антонина Сергеевна, 1979 г. р., застрелена в том же 22 году. Ей было, стало быть, 43 года. Семья «получила» 17 тысяч. И так в каждом случае. Если сложить возраст погибшего и «размер компенсации» в тысячах долларов, то в сумме всегда получается 60. Полагаю, что среди Интерполовских случаев – та же история.

– Как же я не заметил... Действительно так, – стал сокрушаться Пронин, изучая список и совершая в уме несложные арифметические действия. – А насчет Интерпола мы сейчас проверим. Где тут мой лэптоп?... Минуточку... Да, вот та немка, самая старшая. Точно – семья получила 8 тысяч. А вот француз... Жене досталось 36 тысяч. А ему было, секундочку,.. ну да, 24 года. Все сходится. Оч-ч-чень ин-те-рес-но-о...

– Само по себе, пожалуй, интересно. Но вряд ли поможет... Вообще, мы с тобой, генерал, рассуждаем, как двоечник в первом классе. Он, решая задачку, складывает апельсины с ящиками. А я складываю, вернее, вычитаю деньги из годов жизни. Едва ли при таком подходе получим правильный ответ.

– Кто его знает? Хотя дело, повторяю, безнадежное.

– Получается, что по тысяче долларов за каждый год, что не дожили до 60. Да, не густо... – тихо, как бы про себя, произнес рабби Зеев.

– Чего-чего? – не расслышал Пронин.

– Да так, ничего. Мысли вслух. Ерунда.

– Эх, ты, Шерлок Холмс! Где же твоя хваленая ИНТУИЦИЯ? А я уж надеялся, что ты зацепку мне дашь, и, глядишь, я еще пяток лет поработаю.

– И на старуху бывает... сам знаешь. Впрочем, – после некоторой паузы добавил Владимир Ефимович, – закрывать эти дела, мне кажется, не имеет смысла, потому что все равно придется их поднимать из архива.

– Почему? – опешил генерал.

– Да потому что эти «бессмысленные» убийства наверняка будут продолжаться, раз они начались. И тогда мы поймем их систему или... – хозяин вдруг оборвал фразу, о чем-то задумавшись.

– Что или? – переспросил Пронин.

– Или не поймем, товарищ генерал!

– Ну-ну... – Пронин сделал вид, что оценил шутку, похлопал друга по плечу и стал прощаться. Оставшись один, Зеев Круглянский выдоил до капли в свою рюмку остававшийся на доньшке бутылки коньяк и стал маленькими глотками отпивать. «Почему 60? – спрашивал он себя. – Почему?». Какая-то мысль крутилась в голове, но он, что редко с ним случалось, никак не мог ее ухватить...

Хороший выдался денек. Начало июня. Воскресенье. Со вчерашнего утра Федор Степанович с женой, само собой, были на даче. Вчера до вечера копались на огороде. Сегодня с утра Федор Степаныч подправил сарай, натаскал воды и сейчас сидел на бревне возле калитки, млел на солнышке в одних трусах и в майке и примеривался, успеет он до обеда обернуться на речку. Наталья Тихоновна, жена, отвоевав с клубникой, уже хлопотала над готовкой и привычно шпыняла младшую – Любку – за то, что вместо помощи опять у зеркала крутится. Обед будет еще через час. Должна подъехать и Людмила – старшая – со своим новым бойфрендом, которого давно уже собиралась представить предкам. «Эх, хорошо!» – крикнул от полноты чувств Федор Степаныч, охлопывая свое грузное, но еще крепкое тело пятидесятилетнего мужчины, не чурающегося физического труда. «И со здоровьем, тьфу-тьфу, никаких проблем. И прибор работает, как часы...» Федор Степаныч задумался, что он, собственно говоря, имел в виду под прибором – сердце или?.. И это несмотря на многолетнее курение и симпатию к горячительным напиткам. Федор Степаныч вспомнил о запотевшей бутылочке, таившейся до поры-до времени в сумке-холодильнике, предмете особой гордости жены. «Незаменимая вещь, скажу я вам. Особенно, ежели дача...» – хвалилась она соседкам. И решил было купание отложить на после обеда. Но тут как раз около самой калитки останови-

лась новенькая светло-вишневая «Лада», которая несколько раз уже проезжала туда-сюда. Он решил, что, наверное, новые соседи или просто дачники. Из машины высунулся водитель, симпатичный парень: «Папаша, не подскажешь, как на речку лучше проехать?». Отчего же не подсказать. «Прямым ты не проедешь. А во-о-н видишь там проселочная, метров двести... – стал объяснять Федор Степаныч, указывая вправо. Там сворачивай и ездай до развилки, а там налево и...» – «Что-то ты меня, отец, совсем запутал. Может, сам покажешь? А мы приятеля там подхватим, и сразу назад. А тебя обратно закинем». А что – это дело. На машине можно было быстро обернуться туда-обратно, а не тащиться по жаре. Так что предобеденное омовение можно таки совершить. А по дороге расспросить парня про машину – да как она на ходу? а сколько жрет, собака? А как с запчастями? Ну и другие профессиональные вопросы, поскольку давно уже Федор Степаныч подумывал сменить своего старенького «жигуленка» именно что на «Ладу». «А чего, давай покажу. Заодно и окунусь. Ты не против?» – «Какие проблемы, отец. Садись», – сказал парень, гостеприимно распахивая дверцу. «Эй, Любка, матери скажи, что я на речку съезжу. Полчаса максимум», – крикнул Федор Степаныч, снимая со штатетины махровое полотенце. Наталья Тихоновна выглянула с веранды, где уже накрывала на стол. «Ты куда это? Времени скоро четыре. Обед уже на столе. Люська с минуты на минуту придет. Ты што?» – «Да ладно, людям дорогу надо показать.

Заодно и скупнусь...» – примирительно замахал руками Федор Степаныч. «Да вы не беспокойтесь, хозяйка. Мы мигом. И вашего благоверного назад доставим» – «Знаем-знаем это ваше мигом. Еще и бутылочку по дороге раздавят. К обеду, пить-дать, опоздает. Голову даю на отсечение», – заворчала Наталья Тихоновна и, неожиданно улыбнувшись, добавила: «Знаю тебя, шалопай...» А Федор Степаныч уже в машине. Сидит себе вальяжно, на спинку откинулся. Рядом с водителем в ковбойке. А на заднем сиденье еще один мужчина, постарше. Лет сорок. В костюме с иголки и в темных очках. «Хороший костюм, элегантный...» – подумал Федор Степаныч, пожимая протянутую руку. «Добрый день, земляк» – «Здравствуйте, Федор Степанович»... Интересно, откуда он моё имя знает?

И точно, права оказалась Наталья Тихоновна, к обеду муженек не обернулся. Уже и Люська приехала со своим кавалером, уже познакомились, поговорили, мол, что да как, уже все за столом, и от вида селедочки с лучком да дымящейся картошечки аппетит у всех разыгрался. Начнем? Чего его ждать? Нет, еще пять минут подождем, Ну, начнем, что ли? Со свиданьем. Да нет, он вот сейчас подойдет. А время-то уже полпятого. А потом – пять. Все настроение испортил. «Ну, погоди, получишь у меня!..» – уже кипела Наталья Тихоновна. А его все не было. Пойти поискать разве? Куда он мог подеваться, ума не приложу. Пошли искать. Сначала прямиком до речки. И в помине нет. «А Федора не виде-

ли?» – спросила у прохлаждавшихся там соседней напротив. Вроде нет, не видели. Пошли через проселочную. А-а, да вот же он! Где? Да во-он та-ам. Видишь – сквозь кусты майка белеет. Неужто заснул, окаянный? Подходим. Да вроде как заснул. Лежит себе безмятежно так, раскинулся. Только во лбу аккуратное темное пятнышко, как у индианок. Тут Наталья Тихоновна прямо рухнула, как подкосили. А кто-то к дому бросился: «Милиция! Помогите!» И как раз навстречу им вишневая «Лада» выскочила. Газанули да и скрылись с глаз. Потом Наталью Тихоновну валокордином отпаивали. Ну, обычная процедура – милиция, понятые. Соседи толпятся, ахают. Детей всех домой загнали – подальше от греха. Может, маньяк какой. Потом сидели в отупении. А тут как назло – лампочка перегорела. И когда Люська зашла в сарай, чтобы поискать запасную, тут же увидела сверток помятый. А в нем доллары. 10 тысяч.

История эта началась четыре года назад с телефонного звонка.

– Константин? Здравствуйте. Меня зовут Хаскин, – слышался в трубке глухой и не слишком разборчивый голос. – Мне вас рекомендовали как программиста. Я хотел бы с вами встретиться. Вы свободны сегодня вечером? Если да, дайте ваш адрес.

Я начал было объяснять, как лучше до меня добраться, но голос меня перебил:

– Не беспокойтесь, я найду. Вас устроит часов в восемь?

– Да, конечно...

– Тогда до встречи, – я услышал в трубке короткие гудки отбоя...

Гость пришел ровно минута в минуту. Я провел его на кухню, объяснив, что в комнатах царит невероятный бардак. Чистая правда – мама уже третью неделю была в отъезде. Кухню я кое-как привел в относительный порядок, для чего пришлось помыть гору грязной посуды и смахнуть пыль с кухонных табуреток. Я поставил чайник, и начался наш первый разговор, затянувшийся далеко за полночь. Кроме нас свидетелями его были только рыжие тараканы, порой пробегавшие по стене или осторожно высовывающие усы из-за кухонного шкафа.

Первое впечатление, конечно, обманчиво. Но, полагаю, мы оба не испытали особой симпатии, взглянув на своего визави. Что касается меня, то я давно привык к выражению безгливой жалости, возникающей на лицах незнакомых мне людей во время первого со мной контакта, и иного не жду. Мне 25 лет, и я калека. Или, как принято говорить в наш политкорректный век, испытываю проблемы с передвижением – последствия детского полиомиелита.

Нет, я вовсе не скрюченный монстр, прикованный к коляске. По сравнению с тем же Стивеном Хокингом я просто Усэйн Болт. Не только способен передвигаться самостоя-

тельно, а ковыляю достаточно быстро, особенно по собственной квартире. Правда, при ходьбе моя левая нога загибается внутрь, и, чтобы сохранить равновесие, приходится балансировать руками. Вообще, с координацией движений дела обстоят не слишком хорошо. То же относится и к мимике. Каждая часть лица живет как бы своей независимой жизнью. В результате создается впечатление, что по нему вечно блуждает некое подобие бессмысленной улыбки. Но, пожалуй, самое пугающее в моей внешности – это глаза. Они разъезжаются в разные стороны (из-за того же полиомиелита, а не из-за косоглазия). При любой попытке сконцентрировать взгляд на каком-нибудь объекте, мой левый зрачок непроизвольно начинает уплывать в сторону и почти исчезает, закатываясь влево и вверх. Зрелище не для слабонервных. По причине ограниченной подвижности, да и потому, что не хочется лишний раз «пугать» прохожих и слышать улюлюканье мальчишек, я стараюсь как можно реже выходить на улицу. На мой балкон, где я периодически «дышу воздухом», солнце почти не заглядывает. Отсюда – землисто-зеленый цвет лица. Добавьте к этому жидковатые неопределимо белесого оттенка волосы и субтильную – довольно длинную и крайне тощую, с узкими опущенными вниз плечами – фигуру, и вы получите мой точный портрет. Да, я не киногерой, что и говорить.

К чести визитера, при виде меня на его лице ничего не отразилось.

Впрочем, он на мой вкус, выглядел немногим лучше. Как его описать? Однажды тот же Паша похвастался мне, что ему удалось достать целую коллекцию карикатур на евреев из нацистских газет. Там были представлены несколько типов евреев, особенно ненавистных для подлинного арийца. Один из них – это толстый неопрятный семит, все время потеющий и наглый, с толстыми как бревна руками, густо поросшими волосом, и с вечной ухмылкой, обнажающей лошадиные, но тронутые порчей, зубы. Он мусолит в своих сарделечных пальцах награбленные у честного люда денежки и вдобавок норовит ощупать маслянистым глазом гордую и чистую немецкую деву в тирольском переднике. На его обширной плечи непонятно как удерживается ермолка. А остатки курчавящихся рыжих волос обрамляют эту плешь. Вот такой малоприятный толстяк-жизнелюб, как бы ожившая нацистская карикатура, и оказался Ильей Львовичем Хаскиным, доктором физико-математических наук и моим гостем.

Но не прошло и нескольких минут, как я полностью забыл о первом впечатлении, равно как перестал замечать и характерные для Ильи Львовича жесты и интонации, изрядно меня раздражающие. И картавость, и шепелявость, и еще тысячу и один дефект дикции. Хотя он в совершенстве владеет семью языками, но общаться с ним на любом из них весьма затруднительно, так как он не способен нормально произнести большинство звуков, с помощью которых изъясня-

ется человечество.

Словом, слушать его – подлинная мука, а не слушать – чудовищно глупо, потому что говорил он блистательно, артистично, а, главное, о самых важных для меня вещах. Словом, можно сказать, что по прошествии нескольких минут я был полностью во власти его обаяния.

– Слышали вы, сударь мой, о библейском кодах? – так начал Илья Львович свой рассказ.

– Что-то припоминаю, но смутно, – сказал я.

– Тогда слушайте. В 1994 году в очень серьезном научном журнале под названием «Статистикал сайенс» появилась статья под скучным названием «Эквидистантные последовательности букв в книге Бытия». Вы, Костя, конечно, знаете, что серьезный научный журнал – это такое издание, которое отродясь не открыл ни один нормальный человек. А забредают туда (и то – по профессиональной нужде) исключительно нобелевские лауреаты, университетские профессора и несчастные студенты во время сессии. Но судьба выше-названной статьи сложилась иначе. Она произвела сенсацию не только в академической среде, но и среди публики, которая не только научных, но и вообще никаких текстов не читает. И по очень веской причине: ее авторы утверждали, что им удалось отыскать в Библии скрытые коды, содержащие информацию о событиях, случившихся через несколь-

ко тысяч лет после появления самого текста. Ни больше, ни меньше! И, заметьте, статья не в желтой прессе, а в серьезном научном журнале, где существует система рецензентов. Они сами специалисты высокого класса и проверяют каждое утверждение автора. И уж если дают добро на публикацию, значит, тут и комар носа не подточит.

Сама идея библейских кодов отнюдь не нова. Евреи убеждены, что Ветхий Завет (Тора, по-ихнему) дан «избранному народу» непосредственно самим Богом. И что в нем заключена вся божественная мудрость и вся информация о мире от его сотворения до «последних сроков».

Лучше всего эту мысль или, вернее, мечту выразил знаменитый Виленский Гаон Рабби Элиягу. Он писал (цитирую по памяти): «Все, что было, есть и будет до конца времен, содержится в Торе между первым и последним ее словом. И не только в главном, но и в подробностях всех родов и каждого человека в отдельности, и подробности подробностей всего, что случилось с ним со дня его рождения и до кончины».

Если верить мудрецам, часть информации о мире и человеке изложена прямо или метафорически в самом тексте, но неизмеримо большие ее объемы скрыты и особым образом зашифрованы. Во-первых, потому, что всю информацию о мире невозможно прямо уместить в книге ограниченного размера. А, во-вторых и в главных, потому что информация эта и ее тайный смысл должны открываться человечеству постепенно – когда оно дорастет до их понимания.

Что ж, предположение вполне логичное – ведь если книга написана (а Тора, как ни крути, Книга с большой буквы), то автора, кем бы он ни был, вряд ли устроит ситуация, когда она так и не будет прочитана и понята до конца.

А если есть шифры или коды, значит, их можно расшифровать и, тем самым, овладеть тайными знаниями. Вот именно этим и занимались еврейские мудрецы на протяжении нескольких тысячелетий. Сначала они пытались уразуметь смысл и значение прямых высказываний. То есть, занимались всесторонней трактовкой и интерпретацией каждого слова в тексте. В результате возник Талмуд с кучей всяких толкований. Но этим мудрецы не ограничились, а со всем интеллектуальным жаром бросились искать неявные связи между словами.

Надо сказать, что сам язык, особенности его устройства, как бы понуждали и провоцировали их к подобным поискам. Тора ведь написана на арамейском наречии. Это некий диалект древнееврейского языка. Энтузиасты утверждают, что «святой» язык устроен вовсе не так, как остальные, на коих глаголет человечество. В каждом языке определенному предмету соответствует определенное слово. Если два человека знают это слово, то оба поймут, о чем идет речь, даже в отсутствии самого предмета. Вот сказал «стол», ну и понятно, что речь о столе, то есть, о таком предмете на четырех ножках, за которым можно сидеть и обедать, например. Но почему именно «стол», а не как-то по-другому? Чем

«тэйбл» хуже? Да ничем! Просто так договорились. Что-то вроде конвенции, идущей из глубины веков. Не то – иврит. Энтузиасты утверждают, что каждый предмет поименован в нем не случайно. Что в имени каждого предмета зафиксирован его подлинный смысл, его основные свойства. И по звучанию слов можно установить родство между, казалось бы, несвязанными вещами. Иногда эта связь очевидна, иногда – не очень, но всегда есть. Вот тот же стол – на иврите «шулхан» – обнаруживает корневое родство со словом «доска» (ну, это понятно), «побег дерева» (это тоже), «давление» (допустим), «шкура» (уже неясно), «меч» (?), «отпущение», «посланник» (а это уже совсем далеко). Еврейские мудрецы ударились в лингвистику, и, благодаря анализу корней, как по камешкам перебрасывали мостки от понятия к понятию, которые, на первый взгляд, ничем, кроме звучания, не были связаны, и устанавливали между ними удивительные порой соответствия и единство свойств. И общие смыслы понятий. Например, мать, вода, народ и верность оказываются в одном корневом, а, значит, и смысловом поле. Или – отец, камень, дом. Я уж не говорю о классическом примере, Адам из земли (глины) – «адома», да к тому же из красной («адам») глины.

Но и это еще не все. Каждой букве этого языка (а их всего 22) соответствует определенная цифра. Поэтому у любого слова имеется его числовое значение (сумма цифр, соответствующая буквам, входящим в это слово). Отсюда неизбеж-

но получается, что существуют абсолютно разные по смыслу слова, состоящие из разных букв, числовое значение которых совпадает. Считается, что это числовое тождество обнаруживает тайные связи между понятиями, которые не фиксируются на лингвистическом уровне. Вы, Костя, несомненно уловили тут сходство с пифагорейством. Так возникло мистическое учение гематрии. Утверждают, что служителям этого учения было ведомо много тайн, включая истинное имя Бога.

Но пытливые умы не ограничились и этим. В попытках заглянуть за грань невидимого они создали еще немало мистических учений и школ, одна из которых – знаменитая Каббала. Говорят, что истинным адептам Каббалы открылось чуть ли не все. Они создали детально разработанную космогоническую систему, включающую физические и духовные миры, познали природу живой и мертвой материи и даже научились оживлять последнюю. Согласно молве знаменитый каббалист 16 века Бецалель создал в средневековой Праге глиняного истукана Голема и с помощью магических заклинаний вдохнул в него жизнь. В сущности, этот Голем – первый робот в мировой истории.

Многие мистики пытались обнаружить тайные шифры для извлечения информации из Книги Книг. Да что там мистики! Сам Ньютон, оказывается, специально выучив иврит, большую часть своего времени занимался тем же самым – не законы и биномы своего имени выводил, а шифры в биб-

лии искал.

Но, пожалуй, прямым предтечей авторов знаменитой статьи можно считать раввина Вейсманделя. Именно он в середине прошлого века обнаружил, что если от начала Книги Бытия пропустить пятьдесят букв, взять одну, пропустить еще пятьдесят, взять следующую и так далее, то получится слово «ТОРА». Если применить этот принцип к Исходу – брать буквы с шагом в пятьдесят знаков от начала книги, – то опять-таки сложится «ТОРА». То же самое обнаруживается и в Книге Чисел. И во Второзаконии.

Можно лишь диву даваться, как этот Вейсмандель углядел эту закономерность. Сколько времени для того, чтобы отыскать короткое, но осмысленное слово «Тора» ему понадобилось! Но именно предложенным им методом воспользовались авторы статьи в «Статистикал сайенс».

Только идти по пути, проложенному пражским раввином, им было неизмеримо легче, чем ему. Ведь настала эра компьютеров. И те поиски родства и сходства, для обнаружения коих в «святой Книге» иным легендарным мудрецам не хватало целой жизни, теперь свелись к часам и даже минутам. И тогда выяснилось, что, как заметил Шекспир «есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». А, главное, для познания этого многого вовсе не требуется мудрость, а только быстрая переработка информации.

И тогда Илья (Элиягу) Рипс, один из авторов статьи, из-

вестный во всем математическом мире своими работами по высшей алгебре, решил использовать достижения прогресса для разгадывания тайн Книги.

Он сказал:

– Теперь в руках у нас есть инструмент, довольно примитивный, конечно, что-то вроде счетов. Но зато он позволяет делать простые арифметические операции с огромной скоростью. А это значит, что мы способны быстренько все обчислить и при этом может обнаружиться такое, что «мудрецам и не снилось».

– Попробуем восстановить нить рассуждений Рипса, – сказал мой поздний гость. – Вы уверены, что в Библии зашифрована вся мыслимая информация о прошлом и будущем? Что ж, проверим! Как шифруется сообщение? Вообще говоря, по-разному, тысячей способов. Но один из самых элементарных заключается в том, что в некотором тексте закодирован другой текст, если читать не подряд, а только каждую 5-ю, или 7-ую, или 41-ю букву в исходном тексте. Что и делал Вейсмандель. Вот так, если читать не все, а выискивать согласно заранее известному «ключу» буквы, относящиеся к закодированному сообщению, а остальные отбрасывать, как «шум», то мы это скрытое сообщение сможем прочесть. И, понятно, оно не будет иметь никакого отношения к тексту, который мы взяли за основу. Например, мы можем таким образом закодировать в безобидном описании полевых цветов место и время шпионской явки.

Правда, Рипсу не доставало «самой малости». Во-первых, он не знал кода. А, во-вторых, не знал, что искать!

Но он недолго унывал, а подумал: «Пусть мы не знаем кода, зато с помощью компьютера быстренько подметим какие-нибудь закономерности. Глядишь, и отыщем *релевантные*. А что искать? Какая разница, если в Библии и так все есть. Вот и поищем то, чего и в помине не было, о чем и знать-то не могли в те времена, когда эта книга, как говорится, впервые нашла читателя».

Сказано-сделано. Перво-наперво Рипс решил для простоты посмотреть не всю Тору, а только один ее раздел – «Бытие». Там ведь все о мироустройстве – как это было задумано, и что из этого вышло.

Преобразовали они священный текст так, чтоб никаких страниц не было, а была одна бесконечная строка (лента как бы) и чтобы пропусков между словами не было, а сплошной массив из чередующихся вроде как случайно букв.

А поскольку были они дети своего времени, то есть, 20-го века, да к тому же, в основном, из России, то, естественно, решили поискать, а не встречаются ли в Торе такие замечательные имена, как Гитлер и Сталин. И что же вы думаете? Нашли. И Гитлера, и Сталина. Причем не один раз. Вот, скажем, встречается светлое имя Сталин в книге «Бытия» три раза. Но что значит – встречается? Понятно, что в исходном тексте не встретишь его ни разу. А вот если с буквы С начать,

да отбрасывать ненужные, пока не наткнешься на Т, ну, и так далее, то искомое образуется очень быстро. Но это ведь неинтересно, потому что расстояние между нужными буквами (шаг) каждый раз разное. И никакой системы в этом нет.

Тогда Рипс с соратниками поставили перед компьютером задачу, которая формулировалась примерно так:

«Обработать весь массив букв и определить, встречается ли в нем хотя бы один или больше раз устойчивое сочетание шести букв: С-Т-А-Л-И-Н, следующее в именно таком (или в обратном Н-И-Л-А-Т-С) порядке с равным промежутком (шагом) между буквами. Причем длина шага не имеет значения. Важно только, чтобы они были одинаковыми...»

Компьютер прошерстил весь текст и определил, что сочетание букв С-Т-А-Л-И-Н с равной длиной шагов встречается три раза.

– А что это нам дает? – спросили ученые, получив эти результаты. – Да ничего. Понятно же, что в любом достаточно большом тексте найдется то же самое сочетание букв. Тупик получается, однако.

Но тут им пришла в голову идея: «Ну, хорошо, – Сталин. Но он же не просто так Сталин? Есть ведь какие-то вещи, которые мы связываем с этим именем. Так ведь? Ну, например, Коба, Джугашвили, Кутаис, революция, террор, Троцкий, Гулаг, коллективизация, война с немцами, дело врачей... Да мало ли? Вот возьмем эти слова, и пусть ЭВМ их ищет по тому же принципу (равные промежутки между бук-

вами). А там посмотрим, что получится...»

Конечно, всех слов, ассоциирующихся со Сталиным, компьютерная программа не обнаружила. Например, не оказалось в книге Бытия фамилии Аллилуева. Но большинство таки нашлось. И вот что поразительно и, говорю не шутя, невероятно – большинство (если не все) из этих слов находились поблизости от того фрагмента, где буквосочетание СТАЛИН встретилось с наименьшим шагом в пятнадцать знаков. Да что там – поблизости! Можно сказать, что имя СТАЛИН было окружено этими словами, как облаком. Это значит, что если обратно преобразовать эту бесконечную ленту в привычный нам текст, то на той же странице, что и слово СТАЛИН окажется и большинство слов, связанных с ним, с его жизнью и деяниями. Некоторые из этих слов будут пересекать его, некоторые будут находиться рядом. Но, главное, на той же странице!

Тут в пору ахнуть. Получалось, что в библии изложена история тирана, рожденного через несколько тысяч лет после появления самой Книги! То есть, неким довольно топорным образом информация о будущем Сталине уже в ней скрывалась и не менее топорным образом может быть извлечена!

Проверили на Гитлере. И что? То же самое. Вокруг него и Геринг, и Мюнхен, и «хрустальная ночь», и евреи, и Ева Браун, и проигранная война, и даже город на Волге.

А что с Наполеоном? Император, Директория, маршал Ней, Москва, холод, Ватерлоо.

Итак, находим искомое имя с наименьшим промежутком между составляющими его буквами из всех, встречающихся в книге Бытия, и рядом находим слова, обозначающие существеннейшие моменты его жизни.

Но это с людьми. А что с географическими понятиями? Взяли, например, Израиль. Ну, не Израиль, как слово, потому что оно там на каждой странице появляется, а Палестина. Вот вам, пожалуйста, тут же всплывает Теодор Герцль, словечко «сионизм», киббуцы, Голда Меир, шестидневная война. И так во всем.

Чудо? Да, несомненное чудо. Что оставалось делать Рипсу сотоварищи? Согласиться с фактами и... уверовать! Что они и сделали. Не случайно, эти ребята, бывшие до того атеистами и безбожниками, обратились в веру и стали ортодоксальными иудеями. А вы бы как поступили на их месте?

И еще они опубликовали статью, в которой, по мнению авторов, математически доказали существование Бога. Оттого она вызвала столько шума.

– А что было дальше? – спросил я, донельзя заинтригованный.

– Дальше? – хмыкнул Хаскин. – Дальше как всегда. Сразу нашлись скептики, поставившие их результаты под сомнение. Вначале глухо высказывались подозрения в подтасовках. Потом всплыли лингвистические проблемы. Это было серьезнее. Критики утверждали, что особенности языка иврит допускают слишком много формально верных вари-

антов написания одного и того же слова, так что, хотя прямых подтасовок и нет, но верящий в эту ахинею «экспериментатор» может произвольно подставлять разные варианты, пока не получит желаемый результат. Действительно, в иврите, как известно, гласные в письме записываются далеко не всегда. Кроме того, большинство не только имен, но и понятий (например, атомная бомба, вирус или революция) появились заведомо позже самой библии. Этих слов просто не существовало в древнем языке. Они были придуманы и введены в обиход только в 20-м веке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.